

Ставицкий А.В.

УДК 101.1:316

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Следует отметить, что в научной среде негативное отношение к мифу, как к чему-то ложному и для науки малополезному, нередко распространяется и на философию. Так, в частности, в среде учёных можно услышать приписываемое Л. Д. Ландау изречение: «Там где начинается философия, кончается наука». И оно отражает определённое отношение их к философии, которое простым и конструктивным назвать нельзя. Однако, на наш взгляд, попытки игнорировать философию в области фундаментальных наук следует считать ошибочным. Ведь установка позитивизма на то, что наука – сама себе философия, явно не оправдалась. И хотя критика философии и её обвинения в «непостижимой неэффективности», противопоставленной «чудовищной продуктивности математики», как это делает, например, нобелевский лауреат по физике С. Вайнберг [1, с. 132-133], ещё продолжают звучать, роль и значение философии для общего развития науки трудно переоценить.

При этом следует учесть, что отрицающие философию учёные, каких бы взглядов они ни придерживались, всего лишь представляют одно из философских направлений, потому что философия способна сделать объектом своего исследования любое явление. В том числе и свою критику. Для этого достаточно только ею заинтересоваться. И процесс пойдёт. Однако, так же обстоит и с мифом. Любая самая принципиальная критика мифа, с каких бы позиций она ни велась, моментально превращает в миф саму критику.

Что касается последнего, совершенно очевидно, что именно философия изучает миф наиболее системно и последовательно, хотя самые значимые для понимания мифа открытия были сделаны в других науках: лингвистике, семиологии, культурологии, этнологии и психологии. Но особенность познания мифа такова, что кем бы ни был изначально исследователь по своей специальности, если он собирается рассматривать миф, как целое, он должен стать философом и использовать потенциал философии, ибо только философия позволяет избежать свойственных различным дисциплинам крайностей и вооружает той методологией, без которой глубокий структурный анализ мифа невозможен. В этом смысле вклад философии в познание мифа а priori наиболее значим.

Однако, в рамках философского мышления накоплен и опыт критического анализа науки с точки зрения её специализации и возможностей, который, возможно, наиболее полно выразился в размышлениях Н. А. Бердяева. «Наука никогда не была и не может быть освобождением человеческого духа, - писал он в своей работе «Смысл творчества». - Наука всегда была выражением неволи человека у необходимости. Но она была ценной ориентировкой в необходимости и священным познавательным послушанием последствиям содеянного человеком греха. ... Наука не знает последних тайн, потому что наука – безопасное познание. Поэтому наука не знает Истины, а знает лишь истины. Истина науки имеет значение лишь для частных состояний бытия и для частных в нем ориентировок» [2].

Следует отметить, что выдающийся русский философ в данном случае отказывает науке в синкретичности, показывая, что она не только не может конструктивно решать проблемы, поставленные вне конкретных задач, но способна изучать лишь частности. Вот как он поясняет свою позицию: «Ученые расчленили мировую данность на отдельные, специальные сферы и давали экономически сокращенное описание отдельных сфер под наименованием законов природы. Ценность научных законов природы прежде всего была в практической ориентировке в природе, в овладении ею ее же средствами, т.е. через приспособление» [2].

В этом смысле наука, по мнению Н. А. Бердяева, изначально ущербна и не обладает необходимым для постижения философских проблем аппаратом, а значит, не может и их оценивать. Именно поэтому интуиция мыслилась им как «выход из дурной бесконечности логического ряда» [2], который философу необходимо уметь преодолевать. «Философская интуиция - предшествует всякой логике и всякому учению о категориях как изначальная и пользующаяся логикой лишь в качестве своего подчиненного инструмента. А это значит, что философия не требует и не допускает никакого научного, логического обоснования и оправдания. Наука и ее логика всегда, лежат ниже философии и после нее. Логика есть лишь лестница, по которой интуитивная философия спускается в мировую данность, она лишь инструмент. Философия должна объяснить логику – логика не в силах объяснить философии. Философское отношение к миру лежит вне той сферы, в которой создается логический аппарат научного отношения к миру» [2].

Как видим, Н. А. Бердяев не строил никаких иллюзий относительно роли и возможностей науки в вопросах познания, ограничивая её сферу частностями. Однако, в данном случае для нас интересно не это, а то, что в описании своего видения философии Н. А. Бердяев максимально близко подошёл к современным представлениям мифологии. И если бы в его текстах слова «философия» и «философское» были заменены на «мифологию» и «мифическое», наложение было бы практически полным. Впрочем, данное совпадение для него не является случайным, о чём свидетельствует всё его творчество. И он в своих выводах – не единственный. Анализируя роль философии в поле гуманитарных наук, М. М. Бахтин писал: «Место философии. Она начинается там, где кончается точная научность и начинается инаучность. Ее можно определить как метаязык всех наук (и всех видов познания и сознания)» [3, с. 424].

Итак, XX век, с одной стороны, продемонстрировал небывалый триумф науки, а с другой обнаружил некие её пределы, не только позволившие более-менее рассчитать её потенциальные возможности, но и показавшие опасность её монопольного господства в интеллектуальной сфере, проявившуюся в нарастании

глобальных проблем современности. Однако, несмотря на это, наука продолжает навязывать свои принципы оценки другим сферам деятельности человека. Особенно, в культуре. И у многих современных мыслителей это вызывает закономерную тревогу. В частности, по мнению Н. А. Бердяева, «ничто на свете не должно быть научно, кроме самой науки. Научность есть исключительное свойство науки и критерий только для науки» [2], который не даёт монопольного права на истину. «Научность покоится на вере в то, что наука есть верховный критерий всей жизни духа, что установленному ей распорядку все должно покоряться, что ее запреты и разрешения имеют решающее значение повсеместно.

Научность предполагает существование единого метода. Никто не станет возражать против требования научности в науке. Но и тут можно указать на плюрализм научных методов, соответствующий плюрализму наук» [2]. Действительно, наиболее интересные исследования, проведённые в последние десятилетия в области научной методологии, показывают, что наука не может ни предложить универсального для эпистемологического процесса метода, ни настаивать на монопольном праве на истину. Но и это не всё. «Критерий научности заключает в тюрьму и освобождает из тюрьмы все, что хочет и как хочет» [2], – считал Н. А. Бердяев. Что подталкивает к аналогии в рамках социальной роли науки в обществе с своеобразной интеллектуальной инквизицией.

Однако, если возможности научного дискурса столь ограничены, нужно ли всё оправдывать научным гносеологическим сознанием? И Н. А. Бердяев отвечал на данный вопрос отрицательно, давая ясно понять, что в значительной степени эта ограниченность связана с построенной на принципах логики методологией. Впрочем, по мнению великого русского философа, «в ограниченной логике есть верная реакция на ограниченное состояние данного мира» [2].

Однако, на наш взгляд, это не вся правда, так как не логика отражает ограниченность «данного мира», а мир ограничивается логикой, как весьма ограниченным инструментом познания. Значит, реакция логики в силу её ограниченности не может быть верной. Более того, в данном вопросе следует не только помнить об ограниченных возможностях логики, но и о роли её в процессе познания. А чтобы понять её, следует учесть, что ничего открыть в этом мире, опираясь исключительно на возможности логики попросту невозможно. И не только потому, что связанная логикой научность, воспринимается как «необходимость в мышлении» [2].

Подобного рода иллюстрацией может служить используемое для борьбы с лженаукой прекрасное высказывание Анатоля Франса: «В медленном и неслаженном продвижении человеческого рода вперед начало каравана уже вступило в сияющие области науки, тогда как хвост его еще плетется среди густого тумана суеверий, в темном краю, наполненном злыми духами и привидениями» [4]. Заметим, что в ярко нарисованной А. Франсом картине наглядно видны основные мифологические образы: стремящееся вперед на пути постоянного самосовершенствования и уподобленное идущему по пустыне жизни каравану человечество, символизирующая свет и радости по-райски просвещённого блаженства наука и противостоящий ей, подобный аду туманный мир злых духов и привидений, под которым в данном случае понимаются невежество, предрассудки и суеверия. А если учесть естественным образом подразумеваемое наличие в обществе с одной стороны – лидеров-героев, учёных-пророков и просвещённых поводырей, обладающих тем знанием, которое позволяет им идти в правильном направлении, а с другой – погрязшего в невежестве и пороках плетущегося в конце тёмного человеческого стада, над которым во имя великой и святой цели можно совершать праведное насилие, то общая библейская картина стремящегося через пустыню заблуждений к своей «земле обетованной» человечества будет полной. Только кто даст гарантии, что ведущие народ вожди знают истину, а не обманывают людей, что наука несёт только благо и основанный на триумфе разума всеобщий рай будет человечеством достигнут? А если таких гарантий нет, то чем данная мифология отличается от остальных? Только тем, что её в своих целях использует наука.

О чём это говорит? О том, что сама наука не является исключительно светочем интеллектуального блаженства и с такой же лёгкостью может быть уподоблена каравану с его «началом» и «хвостом», как и человечество, потому что в ней есть те, кто осуществляет прорывы, и те, кто, защищая утвердившиеся когда-то и ставшие общепринятыми предрассудки. Более того, иной раз учёные начинают с первого и заканчивают вторым. Причём, нередко ключевые позиции в науке занимают как раз те, кто выступает на стороне предрассудков, потому что карьеру сделать легче, тиражируя общепринятые банальности. И хотя, подобное деление ни в коем случае нельзя упрощать, учитывать потенциал и направленность научного мейнстрима, который далеко не всегда в своём движении позитивен, приходится всем.

Не случайно в своей книге «Критика научного разума» К. Хьюбнер отметил: «Сегодня многие люди убеждены в том, что истина и знание в подлинном смысле существуют только в науке, и потому все другие аспекты бытия должны быть постепенно охвачены ее контролем... Поэтому сейчас, быть может, в большей степени, чем когда-либо еще, такие, лежащие за пределами науки, области как искусство, религия, миф ставят нас перед трудным вопросом: как можем мы сегодня сохранить к ним серьезное отношение и где искать им обоснование?» [5, с. 25]. И в данном случае мы сталкиваемся именно с такой проблемой. Проблемой мифа, который для науки выступает Иным. Внесистемным образованием, уже в силу своей инаковости представляющим для науки потенциальную угрозу.

Однако, противостояние мифу может восприниматься как реакция на раздражение разнообразия, потому что миф не хочет существовать по правилам, которые для него устанавливает наука. Не хочет раскрываться. Не хочет быть понятным, простым, однозначным. А непонятное вызывает агрессию, раздражение, отторжение. Более того, создаётся впечатление, что миф нам не подчиняется. Ощущение, будто он живёт другой жизнью, вопреки фактам и нашим установкам. Но почему? «В наше время верят

фактам. Как всякая другая, эта вера требует, чтобы верующий преклонился перед тем, во что верует... В факте видят нечто абсолютное, нечто такое, что обладает принудительной силой. Опыт часто уподобляется суду, который принимает к рассмотрению иски и выносит вердикты. Как и всякий суд, он, разумеется, представляется некоей объективной инстанцией. А поскольку сферой объективности признают прежде всего науку, то именно ей и приписывается роль попечителя и хранителя истины. Верно ли такое мнение?» [5, с. 56], - задавался вопросом К. Хюбнер.

Сейчас такой уверенности уже нет. Хотя, это не означает, что наука исчерпала свои возможности. Скорее всего, речь идёт об очередном кризисе роста, когда наука в результате своего естественного исторического развития подошла к таким проблемам, преодоление которых с одной стороны требует пересмотра устаревших взглядов, а с другой – сулит в связи с этим новые возможности. Но в борьбе с мифом, похоже, науке сейчас не до них.

Однако, современный «век свихнувшейся рациональности» [6, с. 331] должен найти оптимальные соотношения между наукой и теми видами знания, которые ранее рациональными не считались. Одним словом, в интересах науки по отношению к роли и месту рационального в общей системе человеческого знания, провести определённую коррекцию. Она связана с тем, что впереди понимания мифа следует насаждённое в течении столетий предубеждение к нему. Поэтому, прежде чем быть готовым понять миф, надо сначала, по-видимому, вернуть к нему уважение. А уважение зависит от понимания роли и места мифа в жизни общества и, в частности, его способности к воспроизводству важных для общества смыслов.

Источники и литература:

1. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории / С. Вайнберг. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества : [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа : http://www.philosophy.ru/library/berd/creation.html#_ednref1
3. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-70-х годов / М. М. Бахтин // Собр. соч. : т. 6 / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2002. – С. 371-439.
4. Проблемы борьбы с лженаукой (обсуждение в Президиуме РАН) : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rc.nsu.ru/text/news/Physics/057.html>
5. Хюбнер К. Критика научного разума / К. Хюбнер; [пер. с нем.]. – М., 1994. – 326 с.
6. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь / М. Ф. Альбедиль. – СПб. : Паритет, 2002. – 336 с., ил.

Али Мохаммад Таха

УДК 329.78 [291/16:(=11/=8)] (477)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

На рубеже XXI века проблема толерантности приобрела особую актуальность в связи с процессом глобализации, сталкивающей цивилизационные, религиозные, национальные и этнические идентичности различных культур и народов.

Все современные нации в религиозном, культурном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохранили своё единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и религиозный плюрализм, развившийся в западном мире, вызвал к жизни толерантность. Толерантность – главная ценность гражданского общества, процесс формирования которого продолжается в Украине сегодня. Она с одной стороны, является необходимым побочным продуктом многообразия в обществе, а с другой – условием его дальнейшего развития.

Проблема толерантности в крымском обществе, имеет свою особую специфику связанную с социальным положением разных народностей проживающих на полуострове, с удовлетворением их духовных и материальных потребностей. В особенности это касается крымских татар, статус которых до сих пор не имеет ясности. Несмотря на имидж спокойного региона, Крым не является исключением в ряду конфликтогенных областей Украины, хотя бы в силу исторического столкновения на своей территории интересов тюркских и славянского миров. Кроме этого, в последние годы количество приезжающих на жительство в республику начало превышать количество выезжающих, что при развитии данной тенденции способно стать фактором обострения общественных отношений.

Анализ исследований и публикаций. Изучение соответствующей мировой и отечественной литературы, посвященной проблеме толерантности и формированию толерантного сознания, свидетельствует о том, что идеи терпимости, толерантности в той или иной степени освещались философами, педагогами уже на протяжении довольно длительного исторического периода.

При попытке выяснить научное значение понятия «толерантность» были проанализированы справочные и энциклопедические материалы, поскольку данное понятие используется в самых разных областях знания: этике, психологии, политике, теологии, философии, медицине и др., в результате чего были выявлены рядоположенные определяемые понятия. К раскрывающим сущность понятия «толерантность» относятся слова: терпимость, терпение, признание, уважение, великодушие в отношении других, прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение, расположенность к другому, выносливость, готовность к примирению и др.